

Литературные концентры Европы в предпочтениях русского культурного тезауруса

Вл. А. ЛУКОВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье дается определение понятия «литературный концентр», выявляются литературные концентры русского культурного тезауруса на разных этапах развития русской литературы от древнего, когда литературным концентром выступала Византия, до нового, когда в качестве концентров выступили Франция, Германия, Англия.

Ключевые слова: литература, литературные концентры, культурный тезаурус, этапы развития русской литературы, Византия, античная и западноевропейские литературы.

Literary European Centres in the Russian cultural thesaurus

VL. A. LUKOV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

Abstract: In this article the concept «literary concentre» is defined and literary concentres of the Russian culture thesaurus are revealed in different phases of the history of the Russian literature from the ancient times when Byzantine literature was such a concentre till the new era when France, Germany and England became new concentres of the Russian literature.

Key words: literature, literary concentres, culture thesaurus, the phases of history of the Russian literature, Byzantine literature, antic and European literatures.

Литературные концентры — понятие, которое мы предлагаем использовать для тезаурусной характеристики русской книжной культуры, чтобы выявить предпочтения русского культурного тезауруса. Концентр — неологизм на основе прилагательного «концентрический», произведенного от латинской приставки *con-* и слова *centrum* — центр, средоточие и обозначающего в геометрии окружности, круги, сферы, имеющие общий центр (Словарь иностранных слов, 1989: 258). Так же и во французском языке, где существительное не фиксируется, а прилагательное *concentrique* имеет то же значение, что и в русском языке (Гак, Ганшина, 1993: 225), и в этом значении оно употребляется по крайней мере с 1361 г. (наречие от

него *concentriquement* — с 1511 г., другие родственные слова — с XVII–XVIII вв., см.: Robert, 1967: 319). Аналогично положение в английском языке (прилагательное *concentric*), с тем добавлением, что слово *concentric* выступает как глагол (книжн.) со значениями 1. 1) концентрировать, сосредоточивать (мысли и т. п.); 2) концентрироваться, сосредоточиваться; 2. сходиться в центре; иметь общий центр (Большой англо-русский словарь, 1972: 291).

Литературные концентры — такие центры литературных взаимодействий, вокруг которых располагаются, как удаляющиеся круги, как бы привязанные к ним менее влиятельные территории взаимодействий. Концентры соответствуют «сильным позициям»,

* Луков Владимир Андреевич — директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик МАН (IAS) и МАНПО. Тел.: 374-59-30. Эл. адрес: lookoff@mail.ru

Работа выполнена в рамках проекта «Россия и Европа: диалог культур во взаимоотражении литератур», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 06-04-00578а).

выделяемым в ходе тезаурусного анализа. Существенно, что через понятие «концентр» проступает особое качество «сильных позиций» — они обладают притягивающим, кумулятивным характером, действуют не только сами по себе, но в соединении с родственными явлениями, которые обычно объединяются с концентрами в сознании, утрачивают в какой-то мере свою культурную специфику.

Теория литературных концентров должна учитывать двойную природу их функционирования: в какой-то одной литературе могут проявиться несколько литературных концентров влияния, но и сама эта литература может иметь несколько литературных концентров ответного влияния, взаимодействия (может быть, еще уместнее здесь говорить о «взаимоСОдействии», пользуясь термином П. К. Анохина, или, в ключе данной работы, о взаимоотражениях). При этом «карты взаимоотражений» при их наложении могут не совпасть по ряду показателей.

Выявление литературных концентров осуществляется через определение литературных предпочтений культурного тезауруса того или иного народа или страны. Для удобства литературу, культуру, культурный тезаурус той или иной страны можно определять через название самой страны: Франция, Германия, Англия и т. д.

Россия, русская литература в этом отношении дает необычайно многоаспектную картину, позволяющую коснуться ряда теоретических вопросов и представить богатую палитру конкретных предпочтений русского культурного тезауруса в отношении европейских литератур и таких же предпочтений со стороны Европы и европейцев в отношении русской литературы.

Если русская литература с позиций ее внутреннего развития выступает единой, то с точки зрения литературных взаимоотражений она утрачивает это единство, распавшись на ряд этапов. Наиболее укрупненные из них могут выглядеть так:

- древнерусская литература;
- литература переходного периода (XVIII век);

— новая и новейшая русская литература.

Академик Д. С. Лихачев писал: «Влияния, испытанные древнерусской культурой на начальных этапах ее формирования, были... различны по своему типу, хотя они и были одновременны».

Могут быть отмечены пять основных направлений культурных влияний на восточных славян, и каждое было не похоже на другое.

Одно из влияний шло с Юга — от Византии. Оно не явилось внезапно, а было развитием тысячелетних связей с северочерноморской греческой культурой на Восточно-Европейской равнине. С конца X века это влияние удвоилось влиянием болгарским. То и другое шли рука об руку и часто, в отдельных своих проявлениях, были неразделимы и даже неразличимы.

Другое влияние было гораздо менее длительным и шло со скандинавского Севера. Со стороны юго-восточных степей давало себя знать воздействие степных народов, с Запада — влияние западных славян и германских народов, которое было более разнообразно, пестро и сравнительно более высоко по своему типу, чем влияние с Севера и с Юго-Востока» (Лихачев, 1987: 38–39).

Выделив эти влияния, Д. С. Лихачев стремился подчеркнуть их неоднородность (с точки зрения тезаурусного подхода не все они составляли «сильные позиции» в культуре). Д. С. Лихачев приводит яркий пример, сопоставляя византийские и скандинавские источники «Повести временных лет» и приходя к выводу: «Скандинавский слой «Повести» архаичен. Напротив, византийский слой стоит на уровне современной «Повести» европейской культуры. Между скандинавским влиянием и византийским такое же стадийное различие, как между фольклором и литературой» (там же: 40).

В концепции теоретической истории литературы Д. С. Лихачева особое место занимает положение о литературе-посреднице. «Термин «литература-посредница» не нов в литературоведении, — отмечал ученый. — Обычно под литературой-посредницей по-

нимают национальную литературу, которая передает другой национальной литературе в своих переводах и обработках памятники третьей национальной литературы. Я предлагаю распространить этот термин и на те наднациональные литературы, которые существовали на священоученых языках средневековья: латинском, церковнославянском, арабском, санскрите и пр. Эти литературы создавались во многих странах, были общим достоянием этих стран, служили их литературному общению. При этом их литературное посредничество — не их побочная функция, а основная» (там же: 45–46). Далее Д. С. Лихачев отмечал особенность функционирования литературы-посредницы в Средние века: «Это не только литература, «пропускающая через себя» отдельные литературные произведения других литератур, — это литература, создающая особый межнациональный фонд памятников, существующая одновременно на национальных территориях ряда стран как единое развивающееся целое. Она создает собственный литературный фонд на основе чужих. Ее произведения составляют органическое целое, существующее одновременно в ряде стран, объединяющее эти страны» (там же: 46).

Применительно к древнерусской литературе Д. С. Лихачев рассматривал в качестве литературы-посредницы древнеболгарскую литературу. Впрочем, ученого можно понять и по-другому. Он писал: «Именно такая наднациональная единая литература-посредница существовала у южных и восточных славян. Она обладала своим наднациональным церковнославянским языком, общим для всех южнославянских и восточнославянских литератур фондом памятников и единой литературной судьбой, единым литературным развитием.

Основу этой великой литературы-посредницы составляла древнеболгарская литература» (там же).

Хотя дальше исследователь подчеркивал, что болгарская литература была на столетие старше русской, начало которой он впервые предложил связывать не с XI, а с X веком,

«когда уже несомненно существовали переводные памятники, необходимые в церковной жизни» (там же: 47), что определялось более высоким общественным развитием Болгарии в IX–X веках, но, очевидно, возникло противоречие в концепции: древнеболгарская литература не вполне подходила под определение «наднациональная», которому в большей степени отвечала византийская литература, исходная в ряде отношений для древнеболгарской. Поэтому Д. С. Лихачев вынужден был сделать следующее разъяснение: «Однако, несмотря на огромное значение древнеболгарской литературы для литературы-посредницы, ту и другую нельзя отождествлять, так как литература-посредница в процессе своего существования и развития постоянно пополнялась переводами, оригинальными произведениями, созданными у западных славян, в Сербии и на Руси, часть же связанных с местными темами древнеболгарских произведений, существование которых мы можем предполагать, в состав литературы-посредницы не вошла вообще» (там же: 46–47). После всех этих разъяснений можно сделать только один вывод: ученый обозначил литературу-посредницу, сыгравшую решающую роль в создании русской литературы, не в приведенных фрагментах текста, а в названии раздела, который звучит так: «Древнеславянская литература-посредница и славянская «рецензия» (редакция) византийской литературы» (там же: 45).

Таким образом, на первый план выходит византийская литература, редакцией которой признается наднациональная древнеславянская литература-посредница.

Для древнерусской литературы византийская литература являлась источником жанров, образов, давала православно-государственную рамку, почти исключавшую до какого-то времени светско-личное начало. Существование прямых переводов византийских текстов на древнерусский язык, в частности византийских хроник (см.: Лебедева, 1968) и «Дигениса Акрита» («Девгениево деяние», XII–XIII вв.), тоже существенно.

Вместе с тем обращает внимание, что византийская литература (имеется в виду не только собственно художественное творчество, но и религиозные тексты, хроники) не была оторвана от древнегреческой словесности: об этом свидетельствуют и развитие неоплатонизма, и появление в IX веке, после трехвекового перерыва, интереса к классической античности в трудах патриарха Фотия, Арефы, Льва Хирсофакта, а затем, в X веке, — у Льва Философа, в XI веке — у Иоанна Мавропода, призывающего Христа вывести из ада души Платона и Плутарха, и появление в XI–XII вв. приписываемой жившему в IV веке Григорию Назианзину (Богослову) драмы для чтения «Христос-страстотерпец», начинающейся словами «За Еврипидом следуя, // Я расскажу о муках, испуивших мир» (цит. по: Аверинцев, 1984: 356), и другие многочисленные факты. В то же время через посредство византийской литературы древнегреческая литература не перешла в русскую литературу, отразившись в ней косвенно, через собственное отражение античной словесности в словесности византийской, которая выступает, таким образом, преградой во влиянии античной литературы на древнерусскую литературу.

Это позволяет говорить о Византии как о первом литературном центре русской литературы. Она передала русской литературе некоторые древнегреческие, а также коптские (значит, и древнеегипетские), сирийские, другие восточные (об ориентализме византийской литературы см.: Аверинцев, 1984: 356) импульсы, которые отразились в древнерусской литературе, но не образовали центров.

Новый этап литературных взаимоотношений в истории русской литературы — XVIII век, литература которого в данном отношении выступает как литература переходного периода. Специфику этого периода применительно к рассматриваемой проблеме можно представить как смену парадигмы литературных центров.

Направление этого перехода понятно: от византийско-древнеболгарского к греко-ла-

тинскому, немецкому и французскому центрам.

Вызывает вопросы иное: почему так быстро развивался этот процесс? Здесь можно обратиться к современной социологии, поставившей сходный вопрос применительно к современному обществу, особенно в условиях влияния СМИ.

Немецкая исследовательница Э. Нозль-Нойман внесла заметный вклад в разрешение этой научной проблемы, выдвинув гипотезу о «спирали молчания» (Нозль-Нойман, 1996). Она заметила, что многие люди инстинктивно стараются избежать ситуации, когда только им одним приходится разделять определенные взгляды, установки и представления. Для этого они изучают свое окружение и другие источники информации, в том числе и СМИ, чтобы понять, какая точка зрения является господствующей, а какая осуждается. Человек избегает открыто выражать точку зрения, которую, как он выяснил, не разделяет большинство, чтобы не оказаться в изоляции. Возникает спиралеобразный процесс формирования доминирующей точки зрения: одни выражают свое мнение, в то время как другие его скрывают. Именно в создании этого спиралеобразного процесса решающую роль играют СМИ. Здесь проявляется их власть: они определяют господствующую точку зрения, тем самым принуждая индивида скрывать свою, если она иная, то же происходит и с ближайшим окружением индивида, которое под влиянием давления СМИ также может скрывать иную точку зрения, в результате «спираль молчания» нарастает, а доминирование точки зрения, исходящей от СМИ, укрепляется.

Эта концепция получила широкое признание в мире, в том числе и в российских исследованиях (см., напр.: Полуэхтова, 2008).

Отдавая должное глубине идеи Э. Нозль-Нойман, мы не можем не заметить, что она сводится лишь к части проблемы, к объяснению того, что в свое время нашло отражение в повести французского писателя Паскаля Лэне «Ирреволюция» (Laine, 1971; рус. пер.:

Галуа, 1975) и что получило название «социальной немоты». Но наряду с нарастанием молчания в анализируемой ситуации лавинообразно нарастает то, что можно определить как «спираль тотального демонстративного пересмотра» взглядов, развивающегося опережающими темпами, нередко представленного теми, кто недавно был наиболее рьяным представителем старой парадигмы. Думается, причины этого явления сходны с теми, которые выявила Э. Ноэль-Нойман для «спирали молчания», прежде всего боязнь оказаться в изоляции, а также боязнь не успеть занять место в новом миропорядке, иногда и более низменное желание угодить новым хозяевам жизни.

В XVIII веке поначалу жизнь в своем динамизме резко опережала литературу, в русской культуре времени Петра Великого частично даже в приказном порядке буквально за несколько лет утвердились голландский и немецкий концентры, в то время как в литературе этого не произошло. Голландский литературный центр вообще так и не образовался никогда, а немецкий появился заметно позже и, скорее, поначалу как фоновый для немецкой культуры. Думается, это связано с состоянием самих голландской и немецкой литератур. В голландской литературе, помимо Эразма Роттердамского, а также политического мыслителя Гуго Гроция (1583–1645), Йооста ван ден Вондела (1587–1679), автора трагедий на античные и библейские сюжеты (Вондел, 1988; см.: Ошис, 1983), фактически не было писателей, получивших всеевропейскую известность, голландцы подражали французам, англичанам, немцам, но самобытного слова в литературе, услышанного другими народами, не сказали. Что касается Германии, то Г. Э. Лессинг, названный Н. Г. Чернышевским «отцом немецкой литературы» и открывающий классический период ее развития, родился через четыре года после смерти Петра I.

Поэтому первый литературный центр русской литературы XVIII века вполне логично связывать с литературой Древней Гре-

ции и Рима, обращение к которой определяло переход от религиозного доминирования к возвышенно-светскому (а иногда и к фривольно-светскому, в подражание распространенной на Западе литературе рококо) началу.

Одно из свидетельств значимости этого центра — утверждение М. В. Ломоносовым и В. К. Тредиаковским силлабо-тонической системы стихосложения в русской поэзии (по образцу греческой и латинской, но с использованием рифм) в противовес силлабической системе, представленной, например, в творчестве Антиоха Кантемира. Как отмечает О. И. Федотов (Федотов, 2002), продуктивность тех или иных стихотворных размеров в силлабо-тонической системе определяется отношением к оптимальной длине стиха и их местом в исторической эволюции национальной стиховой культуры. По данным физиологии, оптимальной порцией произнесения на одном вдохе или одном выдохе является группа из 8–9 слогов, к чему и тяготеют 4-стопные двусложники и 3-стопные трехсложники. Среди них лидирует 4-стопный ямб, причем начало этого лидерства относится еще к XVIII веку и связывается с символической победой Ломоносова в творческом соревновании с Тредиаковским и Сумароковым (листочка с тремя переводами 143-го псалма: хореическим и двумя ямбическими) и ставится в связь с безраздельным господством 4-стопной ямбической оды.

Во второй половине XVIII века оформляется важнейший для русской литературы литературный центр — французский. Хотя это происходит в годы царствования Екатерины II, немки по происхождению, этот факт связан с всеевропейским распространением идей и трудов французских просветителей. Екатерина вела переписку на французском языке с Вольтером и Дидро, была подписчицей рукописного журнала Мельхиора Гримма, также выходившего на французском языке. Французский язык открывал России великие памятники французской литературы XVII века — трагедии Корнеля и Расина, комедии Мольера, произведения

Лафонтена, Буало, Перро и других писателей. Французский язык выступал посредником в знакомстве русских читателей с испанской (Сервантес, Кальдерон), итальянской (Данте), английской (Шекспир) литературами, превращая французскую литературу в литературу-посредницу нового типа, объединенную не священными текстами, а уже переведенными на международно признанный язык культовыми текстами светских писателей.

Литература XVIII века подготовила ситуацию следующих двух веков развития русской литературы, Нового и Новейшего периодов литературы, когда четко обозначились литературные центры русской литературы: французский, английский, немецкий.

Эти центры сопровождалась центрами меньшего масштаба — итальянским, испанским, скандинавским. В немецком центре начал выделяться австрийский центр.

Особую роль сыграли славянские литературы, а также венгерская, румынская. Они не составили центра, хотя оказались в большой близости к русской литературе. Решающее место среди этих литератур заняла польская литература. И это несмотря на то, что часть Польши многие годы входила в состав Российской империи. Даже, напротив, именно в этой связи. Польская литература стала той пограничной литературой, которой отсекалась русская литература от тела литературы Европы. Сходную (хотя в меньшей степени) пограничную роль играли и другие литературы «западного пояса» (может быть, за исключением болгарской), что определило их невозможность стать еще одним литературным центром русской литературы.

Возникшая к началу XIX века синхронизация литературного процесса России и Европы позволила перейти от формы отражения

других литератур (как в случае с византийско-древнеболгарским, античным концентрами) к форме взаимоотражений, проявившихся во взаимодействии русской литературы с французским, английским, немецким концентриками, с другими литературами Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев, С. С. (1984) Византийская литература // История всемирной литературы : в 9 т. М. Т. 2.

Большой англо-русский словарь (1972) : в 2 т. / под общ. ред. И. Р. Гальперина. М. Т. 1.

Вондел (1988) Трагедии. М.

Гак, В. Г., Ганшина, К. А. (1993) Новый французско-русский словарь. М.

Галуа, К. (1975) Шито белыми нитками. Пеллегри, Ж. Лошадь в городе. Лэне, П. Ирреволюция. М.

Лебедева, И. Н. (1968) Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. Л.

Лихачев, Д. С. (1987) Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили // Лихачев, Д. С. Избр. работы : в 3 т. Л. Т. 1.

Ноэль-Нойман, Э. (1996) Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.

Ошис, В. В. (1983) История нидерландской литературы. М.

Полуэхтова, И. А. (2008) Российская аудитория телевидения: социологический дискурс. М.

Словарь иностранных слов (1989). 18-е изд., стереотип. М.

Федотов, О. И. (2002) Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха : в 2 кн. М. Кн. 1.

Laine, P. (1971) L'irrevolution. P.

Robert, P. (1967) Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue francaise (Le Petit Robert). P.

Опубликован сборник научных трудов «Гуманитарные константы» по итогам конференции, прошедшей в Московском гуманитарном университете 16 февраля 2008 года. Сборник статей посвящен исследованию проблемы гуманитарных констант в культурных тезаурусах.